

2. Буличов К. Дівчинка з Землі : [фантаст. оповідання та повісті для мол. та серед. шк. віку] / [пер. з рос. Є. П. Литвиненка]. – К. : Веселка, 1987. – 252 с.
3. Великий тлумачний словник сучасної української мови / [уклад. і гол. ред. В. Т. Бусел]. – К. – Ірпінь : ВТФ “Ірпінь”, 2004. – 1440 с.
4. Дімаров А. А. Друга планета : [фантастичні повісті для серед. шкіл. в.] / А. Дімаров. – К. : Веселка, 1980. – 269 с.
5. Ковтун Е. Н. Поэтика необычайного: художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (на материале европейской литературы первой половины XX века) / Е. Н. Ковтун. – М. : МГУ, 1999. – 308 с.
6. Копистянська Н. Х. Жанр, жанрова система у просторі літературознавства : [монографія] / Н. Х. Копистянська. – Львів : ПАІС, 2005. – 368 с.
7. Лотман Ю. М. Избранные статьи : [в 3-х т.] / Ю. М. Лотман. – Таллин : Александра, 1992. – Т. I : Статьи по семиотике и типологии культуры. – 480 с.
1. Heinlein R. Red planet [Electronic resource] / R. Heinlein. – Mode of acces : <http://www.litmir.net/br/?b=88686>.

Анотація

У статті аналізується своєрідність екзотичного простору далеких планет у дитячих науково-фантастичних творах Анатолія Дімарова “Друга планета”, Кіра Буличова “Подорож Аліси” та Роберта Хайнлайна “Червона планета”. Розглядаються особливості хронотопу у даних дитячих науково-фантастичних творах, а також їхній взаємозв’язок з іншими жанрами.

Ключові слова: екзотичний простір, “свій” / “чужий” світи, межа, хронотоп, Анатолій Дімаров, Кір Буличов, Роберт Хайнлайн.

Аннотация

В статье анализируется своеобразие экзотического пространства далеких планет в детских научно-фантастических произведениях Анатолия Димарова “Вторая планета”, Кира Булычева “Путешествие Алисы” и Роберта Хайнлайна “Красная планета”. Рассматриваются особенности хронотопа в данных детских научно-фантастических произведениях, а также их взаимосвязь с другими жанрами.

Ключевые слова: экзотическое пространство, “свой” / “чужой” миры, граница, хронотоп, Анатолий Димаров, Кир Булычев, Роберт Хайнлайн.

Summary

The article analyzes the originality of the exotic space of distant planets in the children's science-fiction works of Anatoliy Dimarov “The Second Planet”, Kir Bulychov “Alisa's Travel” and Robert Heinlein “Red Planet”. The features of the chronotope and their intercommunication with other genres are examined in these children's science-fiction works.

Keywords: exotic space, “own” / “alien” worlds, boundary, chronotope, Anatoliy Dimarov, Kir Bulychov, Robert Heinlein.

УДК 821.161.1:17.022.1 (Энгельгардт)

Станчевская Т. С.,

аспирантка,

Запорожский национальный университет

МОРАЛЬНИЙ КОДЕКС ІНСТИТУТКИ В “ОЧЕРКАХ ІНСТИТУТСЬКОЇ ЖИЗНІ БЫЛОГО ВРЕМЕНИ” АННЫ ЭНГЕЛЬГАРДТ

Анна Николаевна Энгельгардт (1838–1903) – общественная деятельница, писательница и переводчица. С десяти до семнадцати лет училась в

Екатерининском институте, о чем оставила воспоминания “Очерки институтской жизни былого времени” (Заря, 1870, № 8–9). С начала 1860-х гг. Энгельгардт активно включилась в женское движение и начала заниматься писательской деятельностью.

Важную роль в раскрытии особенностей институтской мемуарной прозы играет отображение моральных основ жизни воспитанниц институтов благородных девиц. Главная проблема мотивирует необходимость обращения к исследованиям Г. Елизаветиной [3], Е. Гордеевой [5], С. Машинского [7], Л. Гинзбург [1], которые изучали особенности мемуарно-автобиографической прозы. Современный критик Э. Мазовецкая составила подробное жизнеописание А. Н. Энгельгардт, назвав ее одной из первых российских феминисток. Она изучила архив Энгельгардтов, описала литературно-критическое наследие Анны Николаевны, составила полный список ее переводов [6]. Однако специфика содержания и поэтики “Очерков институтской жизни былого времени” никем из исследователей не рассматривалась, что обуславливает **актуальность** нашей работы. **Целью** нашей работы является исследование приемов описания морального кодекса в “Очерках институтской жизни былого времени” Анны Энгельгардт.

Мемуаристка сама определила жанр этого произведения как очерки. Е. Гордеева замечает: “Очерки – эпический, прозаический жанр с ярко выраженной организующей ролью авторского “я”. Находится на стыке художественной литературы и публицистики” [5, 707]. Л. Гинзбург утверждает, что обращение к очеркам было следствием поисков “аналитической остроты и научной достоверности в познании действительности” [1, 257]. Использование жанра очерка в творчестве Анны Энгельгардт было обусловлено изменениями в социальном и нравственном укладе страны. Б. Дуров говорит о том, что в мемуарном историко-публицистическом очерке автор выступает и как историк и как публицист: “Как историк он предельно объективен в описаниях. <...> Как публицист он дает различным эпизодам личностную оценку” [2, 9].

Название “Очерки институтской жизни былого времени”, согласно утверждению автора, отсылает нас к дореформенному времени 1860-х годов. Отличительная черта институтов благородных девиц “былого времени” [4, 131], согласно утверждению Анны Энгельгардт, – их замкнутость и обособленность, закрытый характер, что вызывает ностальгирующие нотки в их описании. Подзаголовок “Из воспоминаний старой институтки” говорит о мемуарном характере названного произведения. Задачей писательницы является выявление общих закономерностей формирования институтки как общественного типа, на основе развития моральной стороны личности, ибо в очерке дается характеристика институтской морали в ее неразрывной связи с идеологией российского общества середины XIX века. Причиной, побудившей Анну Энгельгардт написать воспоминания, стало отсутствие “цельного” [4, 131], по ее словам, произведения об институтских порядках былого времени. Автор говорит о важной роли институтов в деле женского образования, называя подлинные имена и фамилии изображаемых персонажей, действительное место событий, описывает реальную обстановку. Раскрытие внутреннего мира персонажей происходит путем погружения в атмосферу изображаемого. Автор

поднимает проблемы добра и зла, верности и предательства, правды и лжи, товарищества и обособленности.

По словам А. Муравьевой, «очерковая литература затрагивает не проблемы становления характера личности в её конфликтах с устоявшейся общественной средой, как это присуще новелле (и роману), а проблемы гражданского и нравственного состояния "среды" (воплощённого обычно в отдельных личностях) – проблемы "нравоописательные"» [8].

В «Очерках институтской жизни былого времени» повествование ведется от первого лица, что придает произведению субъективный характер: «Я так живо помню все мои тогдашние ощущения, как будто события эти происходили вчера» [4, 132]. Детальные описания институтского уклада жизни, развернутые характеристики институтских обычаев делают читателя участником событий и очевидцем происходящего.

Объективная сторона содержания – историческая действительность – а именно Екатерининский институт благородных девиц, с его укладом, нравами, руководством, учителями, – воссоздается автором с высокой степенью правдивости, представляет миропонимание автора как человека своей эпохи. С. Машинский справедливо утверждает: «Они (мемуары. – Т. С.) расширяли сферу анализа человеческой души, раскрывая ее с событиями и фактами, помогавшими понять социальную и историческую обусловленность поведения героя» [7, 132]

Субъективная сторона содержания – оценка автором событий, которые репрезентируются с помощью формул обращения к читателю: «Пойдемте со мною в класс, читатель, и позвольте мне представить вам некоторые из самых характерных институтских личностей» [4, 172]. Идеино-эмоциональное отношение писательницы выявляется посредством открытого выражения мнений, суждений: «Как теперь, вижу насмешливое лицо» [4, 185], что свидетельствует о переживании автором определенного жизненного эпизода, затронувшего ее в раннем возрасте, и который она вспоминает с чувством нескрываемой обиды. Б. Дуров справедливо отмечает, что «в постоянном столкновении объективного и субъективного – смысл мемуарного историко-публицистического очерка...» [2, 9]. Именно такое столкновение представлено и в «Очерках институтской жизни былого времени» А. Энгельгардт.

Писательница делает акцент на описании институтских порядков: «Как трудно было осваиваться с институтскими нравами и какая нравственная ломка требовалась для того, чтобы переработаться в чинную, бесстрастную (на вид) институтку» [4, 131]. Анна Энгельгардт говорит о непосредственном влиянии институтских обычаев на формирование моральных устоев будущих дворянок: «Институт до некоторой степени вырабатывал и закалял характер» [4, 212]. Период юности – та самая пора, когда в неискушенное сознание девушки закладываются первые основы поведения будущей почтенной жены и матери, именно этот период служит предметом изображения в очерке и широко анализируются автором. Тип «институтки» формировался в результате ряда повседневных влияний со стороны руководства, преподавательского состава,

воспитателей, а также был обусловлен отсутствием какого-либо влияния со стороны внешней среды. В программу воспитания входило отсутствие зубрежки [4, 157], формирование собственного мнения, умения анализировать [4, 151], о чем Анна Энгельгардт говорит с благодарностью, восторгаясь умением учителя словесности Архипастырского формировать живой, пылкий ум девушек.

Г. Елизаветина так характеризует принципы изображения в мемуаристике XIX века: “Функции бытовых картин становятся более сложными: они удовлетворяют, как и прежде, интерес к тому, “как раньше жили”, но теперь быт и среда изображаются еще и важнейшим условием формирования человека, фактором, во многом определяющим и характеризующим его” [3, 170]. Поступление в институт для многих учениц стало потрясением. Свои непосредственные переживания в конце первого дня пребывания в институте писательница описывает с тонкой лиричностью и откровенностью: “Я принялась рыдать и рыдала долго, неутешно” [4, 141].

Основы поведения будущих благородных жен закладывались путем физического и морального воспитания: “В институте при нравственной и умственной муштровке, которой подвергалась личность, как со стороны начальства, так и со стороны самого товарищества, и при отсутствии всякого теплого, согревающего душу ребенка элемента не существовало никаких физических наказаний и истязаний – и это было благо” [4, 135]. Значительную роль в формировании поведенческих правил институтки играло само представление воспитанниц о заведении: “Институтки начинали считать институт центральным пунктом вселенной” [4, 210]. Обособленный характер заведения формировал незыблемость восприятия нравственных устоев, передаваемых им воспитателями.

Во взаимоотношении учениц с воспитательным составом, как свидетельствует Анна Энгельгардт, “зло было, и безнравственность существовала, да не с той стороны. Она заключалась в той натянутости, неискренности, затаенной вражде, которыми были отношения между воспитательницами и воспитанницами... Эти лживые отношения пагубно влияли на характер, порождая хитрость, лукавство, притворство <...> если бы не существовало противовеса или, лучше сказать, противоядия в характере других влияний и отношений, которые являлись действительной нравственной силой. Такою силою были товарищество и отношения институток к учителям” [4, 163]. В этих словах выражается авторская оценка воспитательной атмосферы учебного заведения.

В очерке дается систематический анализ правил поведения институток: “Институтская формалистика требовала от воспитанницы, как признака хорошего поведения, безмолвия во время шествия *par paires*, чинного поведения в классе, аккуратности в одежде и вообще избежания во всех случаях жизни громкого говора и шума” [4, 145].

Писательница показывает картину формирования моральности институток. Нравоучительный тон обусловлен сформировавшимся характером бывшей воспитанницы, возможностью писательской ретроспективы и желанием проанализировать методы воспитания. О высоких моральных устоях воспитанниц

свидетельствует следующая цитата: “Редко обожали классных дам "из боязни, что заподозрят в корыстных целях, в желании подлизаться” [4, 165], в которой дается характеристика личностных качеств воспитанниц, исключая корыстные мотивы поведения, желание получить выгоду от доброжелательных отношений с педагогическим коллективом. Посредством отдельной характерной ситуации дается коллективный портрет институтского общества благородных девиц.

Поведение девушек Анна Энгельгардт характеризует следующими выражениями: “Институтки как-то не умели шалить” [4, 197], “Воспитанницы тоже старались не выдавать своих чужому дортуару, скрывая всякий скандал” [4, 139], каждое отделение берегло свою честь перед остальным институтом [4, 140], что говорит о незыблемых этических принципах молодых девушек. Институт формировал идеалы чести, товарищества, честности, чувства собственного достоинства, о чем писательница вспоминает с нескрываемой гордостью: “Идеал требовал известной стойкости” [4, 171]. О дружбе, верности не раз вспоминается в произведениях подобной тематики: “Записках институтки” Лидии Чарской, “Девочках” Надежды Лухмановой. Анна Энгельгардт утверждает, что “товарищество <...> вырабатывало чувство равенства и проводило нивелирующую черту между воспитанницами одного института” [4, 209]. Согласно авторскому утверждению, все институтки были равны и поддерживали дружеские отношения, что было одним из столпов морально-этических норм институтского поведения.

Подводя итоги, писательница не умалчивает и о недостатках, отдельных случаях аморального поведения воспитательного состава, говоря: “У нас было это зло – фаворитизм” [4, 162]. Единичный характер подобного рода замечаний говорит о вере Анны Энгельгардт в незыблемость воспитательной системы института, а замечание об основах нравственности: “Три силы существовало в институтском мире: красота, хорошее учение и острый, как бритва, язык” [4, 169], дает представление о порядках, нравах, устоях в Екатерининском институте благородных девиц.

В “Очерках институтской жизни былого времени” Анны Энгельгардт поднимаются также эстетические проблемы, сопряженные с моральными. Как заявляет Анна Энгельгардт, “красота сама по себе была силой в институте, как увидит читатель дальше; сами воспитанницы поклонялись ей, но, со свойственным всем массам вообще инстинктом справедливости” [4, 136], что свидетельствует о преобладании моральных основ над эстетическими.

Композиционно “Очерки институтской жизни былого времени” Анны Энгельгардт делятся на десять разделов, в оглавлении которых содержится краткое его описание. Пятая глава, в которой наиболее емко выражена моральная сторона институтской жизни, называется “Отношения институток друг к другу. – Нравы, обычаи и предания. – Институтские типы. – Principales. – Временщицы. – Bons sujets. – Mauvais sujets. – Бранчушки. – Отчаянные. – Подлизушки. – Кусочницы. – Смысл и влияние товарищества” [4, 163]. Мы видим свободную группировку материала, что дает автору возможность многообразных сопоставлений, аналогий, замечаний и рассуждений.

В «Очерках институтской жизни былого времени» выделяются лирические отступления – повествование о наиболее ярких и значительных событиях из жизни автора, в данном произведении они служат для стирания промежутков между отдельными сценами и эпизодами, поддерживают соразмерность частей, контактность и непрерывность. Яркими примерами служат внесюжетные элементы: авторское отступление о том, как учитель заслуживает уважения или порицания [4, 136], или воспоминания о роли заимствования чужих идей в написании сочинения: «Раз, помню, навалила одна из учениц напыщенное, неестественное рассуждение» [4, 185]. Анна Энгельгардт говорит о свободном характере институтского образования, о цели формирования собственных суждений. Отсутствие сюжета в «Очерках институтской жизни былого времени» Анны Энгельгардт компенсируется авторскими выводами и замечаниями, которые являются организующим приемом построения данного произведения. С фактографической точностью автор описывает бытовую и хозяйственный уклад, перемежая описания субъективными авторским репликами.

Форма повествования, обусловленная жанровыми особенностями произведения – монолог, передает лиризм ситуаций с женской точки зрения, в очерке автором используются и диалоги, с целью целостного анализа происходящего, отображения разностороннего характера оценки картины изображаемого.

Стиль повествования изобилует романтическими красками. Часто Анна Энгельгардт использует риторические вопросы: «Это ли еще не Аркадия? помилуйте!» [4, 165], «Только сантиментальность-то при чем тут?» [4, 212], придающие основе повествования публицистический характер, делая читателя участником авторских размышлений. К средствам создания художественной выразительности следует отнести пафосные иронические выражения «товарищеский ареопаг» [4, 174] – суд, с помощью которого писательница критикует методы вынесения товарищеских решений, а ирония «Кокетка до кончика ногтей ... выказывает такт истой светской львицы» [4, 174] по отношению к одной из девушек, говорит о богатстве художественных средств, используемых автором в очерке с целью создания критического портрета растленных умов. Картина дополняется метафорами: «Серые глаза ее с поволокой и рвут, и мечут, и огнем горят, и искры сыплют» [4, 174].

В тексте встречаются синонимы, используется градация: «Но напрасно ускоряет он шаги, до него все-таки долетают насмешки, хохот, шиканье» [4, 167], «Малодушие, слезливость, пустая восторженность и бесцельная экспансивность презирались» [4, 171]. Целью подобных приемов является усиление эффекта от сказанного.

Анна Энгельгардт дает речевую характеристику институток, используя просторечия: «Глупые выскочки!» [4, 168], французские слова «Pie-grieches (трещотки)» [4, 168], заимствования из французского – устойчивые выражения, имеющие в определенном контексте иронический характер, например, насмешку «animal vertebré (позвоночное животное)» [4, 167], иноязычные слова «Ямб! хорей! анапест! амфибрахий!» [4, 167], используемые как клички институтками. Широкая

палитра средств, используемых автором в раскрытии безнравственных основ поведения воспитанниц говорит о важности соблюдения моральных основ институтками, об осуждении нарушения данных правил самой писательницей.

В очерке широко используются изобразительные средства, вводятся элементы художественной типизации. Анна Энгельгардт в пятом разделе очерка прямо подает иерархию институтских типов, давая им субъективную авторскую характеристику: девушки с острым языком – “бранчушки” [4, 170], “bon sujets (отличницы)” – воспитанницы, которые хорошо себя ведут [4, 170], “mauvais sujets (негодница)” – воспитанницы небезукоризненного поведения [4, 170], “отчаянные” – плохо учившиеся, ленившие, “подлизушки” – “подленькие натуры” [4, 170], “кусочницы” – имевшие привычку выпрашивать, меняться [4, 170]. Выводя свою институтскую схему типизации характеров, писательница, тем не менее, отрицает такие приписываемые институтками черты, как инфантильность и слезливость: “Я замечала всегда склонность к сарказму и скорее некоторую сухость в приемах и обращении, чем слезливую восторженность и сентиментальность” [4, 211].

В центре повествования – фигура самого автора, демонстрирующего типичность своей жизненной судьбы. Анна Энгельгардт выражает свой взгляд на качество преподавания и роль знаний в жизни институток, делая вывод об авторитете учения: “Так называемые науки преподавались в далеко недостаточном объеме и очень часто в искаженном виде, так что собственно знаний, в том смысле, как мы их понимаем теперь, приобрести было нельзя, но полезен был взгляд, что знание есть вещь почтенная” [4, 192].

В очерке излагается и анализируются реальные факты и явления общественной жизни в сопровождении прямого истолкования их автором, наявно идейно-эмоциональное отношение к проблемам формирования моральных норм институтки: “Выражусь короче и яснее: институтка, способная и умная, приходя в обществе в соприкосновение с здравыми понятиями, способнее была воспринять их, чем умная и способная по природе девушка” [4, 213]. И хотя автор настаивает на объективности в описании: “Окончив эти очерки институтской жизни былого времени, которую я старалась изобразить по возможности беспристрастно и объективно...”, – тем не менее, произведение несет на себе печать авторской субъективности, сопряженное с многочисленными суждениями и умозаключениями – “...я позволю себе высказать свое мнение о ней” [4, 210].

В “Очерках институтской жизни былого времени” Анна Энгельгардт через индивидуальный авторский опыт пребывания в стенах Екатерининского института благородных девиц показывает ход формирования моральных устоев “институтки”, как типа личности, и при этом сохраняет личное писательское мнение на произошедшие события и описанные характеры. Образ повествователя, как художественный тип, как ярко выраженный характер, проявляется в выражении своего субъективного мнения. Автор выступает и как историк, давая детальные фактографические описания обычаев, традиций, бытового уклада, предметов повседневности, распорядка дня и как публицист, выражая и поясняя авторскую оценку изображенного с помощью средств художественной выразительности

(риторических вопросов, восклицаний, “институтского” жаргона, иронии, юмора, сатиры). В очерке происходит синтез основополагающих черт документальной и художественной прозы, происходит слияние и взаимопереход подсознательного (личные суждения, субъективизм, лиризм, глубина обобщения) и сознательного (фактографичность, историзм, описательность) художественных начал.

Художественная речь очерка характеризуется использованием таких средств, как французские слова, например: “*par paires*” (по парам) [4, 143], “*debout*” (на ногах) [4, 189] для передачи точной атмосферы институтской среды, а также заимствования из французского, например, “откроировать” [4, 153] – даровать. С целью осмеять недостатки типичных проявлений жизни институток писательница использует просторечия – “хранцуз” [4, 181], “ндрав” [4, 191], которые передают ее критическое отношение к нравам Екатеринбургского института благородных девиц.

Часто для усиления эффекта нравоописательного анализа Анна Энгельгардт использует пословицы и поговорки: “горохом об стену” [4, 151], “новая метла всегда хорошо метет” [4, 158], “слышала звон, да не знала, где он!” [4, 163], “с волками жить, по-волчьи выть!” [4, 211], афоризмы: “рыцарь без страха и упрека” [4, 173], придавая языку произведения дидактический характер нравоучительности. Использует писательница и цитаты известных людей: “Учителя были представителями, говоря словами Белинского, начала умственного, отвлеченного, олимпийского” [4, 180], в качестве подтверждения авторитета собственных умозаключений об институтской системе. Риторические восклицания не один раз прерывают ход авторских рассуждений: “Зала – роскошь! но кавалеров, увы! не полагалось” [4, 200]. Писательница с легкой долей иронии критикует устоявшиеся порядки, при этом не подрывая никоим образом их основы.

Широко используется литературное поле мировой прозы для авторских аналогий: “Последними институтскими Могиканами” [4, 214], ссылаясь на произведения Ф. Купера, сопоставляя институт с названием произведения Ф. Достоевского “Мертвый дом” [4, 163], упоминаются сказочные персонажи: “наподобие курочки и кота в сказке Андерсена “Гадкий утенок”” [4, 210]. Наявны ссылки на литературных персонажей, сравнения общества с героями, воплощающими негативные черты определенных типов: “Что путного могла воспитать в ребенке семья Фамусовых, Молчалиных (“Горе от ума” А. С. Грибоедова), Чичиковых, Ноздревых (“Мертвые души” Н. В. Гоголя), Сквозник-Дмухановских (“Ревизор” Н. В. Гоголя)” [4, 212].

В заключении автор “Очерков” дает психологический анализ, подводит итог повествования: “Мне кажется, не подлежит сомнению, что в свое время институт в том виде, как он существовал тогда и принимая во внимание тогдашнее состояние русского общества, был полезным учреждением” [4, 210].

Итак, в “Очерках институтской жизни былого времени” Анны Энгельгардт, автор не только поднимает важные жизненные проблемы, но, прежде всего, акцентирует внимание на решении моральных, нравственно-этических вопросов воспитания институток, особенностях их окружения, показывает мировоззренческо-этические соотношения: человек – общество, добро – зло, верность – предательство.

Анне Энгельгардт удалось достаточно тонко показать соотношение этической позиции одной девушки с коллективной нравственностью. Моральные устои личности были призваны представлять нравственные силы общества, в котором она живет, поскольку ценностные ориентиры человека во многом определяются обстоятельствами окружения. Писательнице удалось показать самобытность институток, особенности моральных устоев и признаки национальной культуры; создать свой тип институтки – честной, принципиальной, целеустремленной, гордой, любознательной, справедливой личности, которая руководствуется высокими морально-этическими нормами.

В “Очерках институтской жизни былого времени” Анны Энгельгардт акцентируется нравственно-психологическая проблематика, что позволяет нам отнести данное произведение к лирико-психологической жанровой линии мемуарно-биографической литературы.

Литература

1. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – Л. : Советский писатель, 1971. – 463 с.
2. Дуров Б. Мемуарный жанр в художественной прозе революционного народничества : автореф. дисс. ... к. филол. н. : 10.01.01 “Русская литература” / Б. Дуров. – М., 1980. – 15 с.
3. Елизаветина Г. “Последняя грань в области романа...”: русская мемуаристика как предмет литературоведческого исследования / Г. Елизаветина // Вопросы литературы. – 1982. – № 10. – С. 147–171.
4. Институтки: воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / [сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. статья А. Ф. Белоусова]. – 3-е изд. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – 576 с.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / [под ред. А. Н. Николюкина]. – М. : НПК “Интелвак”, 2003. – 1600 с.
6. Мазовецкая Э. Анна Энгельгардт: Санкт-Петербург II половины XIX века / Э. Мазовецкая. – СПб. : Академический проект, 2001. – 224 с.
7. Машинский С. О мемуарно-автобиографическом жанре / С. Машинский // Вопросы литературы. – 1960. – № 6. – С. 129–145.
8. Муравьева А. Очерк об очерке [Электронный ресурс] / А. Муравьева // Самиздат. – Режим доступа : http://samlib.ru/m/murawxewa_a_a/cherk.shtml.

Аннотация

В статье рассматриваются приемы изображения морально-этических ценностей институток в “Очерках былого времени” Анны Энгельгардт. Основное внимание уделяется анализу средств создания этической картины институтского образа жизни, формирования внутреннего мира институтки, ее эмоциональной и интеллектуальной сферы.

Ключевые слова: мораль, этика, очерк, публицистичность, нравственная проблематика.

Анотація

У статті досліджуються прийоми зображення морально-етичних цінностей інституток в “Нарисах інститутського життя колишніх часів” Ганни Енгельгардт. Основну увагу приділено дослідженню засобів створення етичної картини інститутського образу життя, формуванню внутрішнього світу інститутки, її емоційної й інтелектуальної сфери.

Ключові слова: мораль, етика, нарис, публіцистичність, моральна проблематика.

Summary

The paper investigates methods of image moral and ethical foundations of education in “Essays of former times”, Anna Engelhardt. The main focus of the work is placed on the study of

ethical tools to create pictures of the institute's way of life and the formation of the inner world of schoolgirls, emotional and intellectual spheres of the individual in its conditionality of phenomena of reality.

Keywords: morality, ethics, essay, journalistic and moral issues.

УДК 821.111(73)

Степанова А. А.,
доктор філологічних наук,
Дніпропетровський університет
імені Альфреда Нобеля

ОБРАЗ ПАРИЖА У РОМАНІ Е. ХЕМІНГУЕЯ “ФІЄСТА” (ПРО МЕТАМОРФОЗИ СВЯТКОВОГО МІСТА)

Народження нової картини світу на межі століть явило новий етап в осмисленні та трансформації літературних і культурних архетипів, а також у створенні нової “модерністської міфології”. В межах цього процесу в модерній літературі 1920–1930-х ст. зазнавали де сакралізації та де міфологізації базисні культурні прообрази, традиційні моделі духовного життя, серед яких важлива роль надавалася образу міста-свята. Становлення образу святкового міста як культурного архетипу здебільшого обумовлене тим, що в культурології поняття “місто” та “свято” часто відзначені образною ідентичністю. Дослідники зазначають, що із самого початку “образ міста виник як інобуття свята, як актуалізація ідеї свята, перетворення цієї ідеї на таке реальне життя, в якому суперечності культури стають знятими, подоланими. Оскільки свято – найдавніший “архетип” міста, то соціально-психологічний образ міста він не може не визначати” [12, 15]. У зв'язку з цим архетип міста-свята містить дві образні сфери, тісно взаємопов'язані, – місто як святковий простір і місто як образ життя, що народжує святкове світовідчуття. Ці дві смислові доміанти образу послужили основою для формування естетичної моделі святкового міста, запропонованій у 1920–1930-х рр. у роботах Й. Хейзінги “Осінь середньовіччя” та М. Бахтіна “Творчість Франсуа Рабле та народна культура середньовіччя й Ренесансу”.

Концепція святкового міста Хейзінги передбачала осмислення міського життя як форми свята, як святкової події людського життя. Святкове місто, у такий спосіб, ставав як форма життя й мислення, словами Хейзінги, – як “суверенне вираження культури, форма, за допомогою якої люди разом виражали щонайбільшу радість життя та втілювали своє почуття єдності один з одним” [10, 282], як модус буття колективної міської свідомості, в основі якої – почуття сопричетності до життя, його повноти, “щирість, жага життя та безтурботної веселості” [10, 28].

Образ міста-свята відображав прагнення людини до перетворення світу за законами краси й гармонії, до створення ідеального світопорядку шляхом обертання хаосу на космос, і в цьому сенсі був одним із ключових факторів формування й розвитку естетичної свідомості, центром системи естетичних координат, в яких саме з містом співвідносились уявлення про красоту, ідеал прекрасного, естетичні цінності тощо, нерозривно пов'язані не тільки з